

родная речь

Глубокие уроки литературы

АЛЕКСАНДР ПОСКРЁБИШЕВ

ИЗ ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЕРЕИ МОСКОВСКИХ ГОСТЕЙ IV ЛИТЕРАТУРНОГО ФЕСТИВАЛЯ «НА РОДИНЕ ЧАЙКОВСКОГО» ВМЕСТЕ С АКТЁРОМ ЮРИЕМ НАЗАРОВЫМ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ «ИЗВЕСТИЙ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ» ВЫБРАЛ ДЛЯ ИНТЕРВЬЮ ЕЩЁ ОДНОГО ГЕРОЯ - АЛЕКСЕЯ ВАРЛАМОВА. РАЗУМЕЕТСЯ, ЧТО В РАЗГОВОРЕ С ПИСАТЕЛЕМ И ОДНОВРЕМЕННО РЕКТОРОМ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА ИМ. ГОРЬКОГО МЫ ЗАТРОНУЛИ ТЕМУ ПИСАТЕЛЬСТВА И ЛИТЕРАТУРЫ.

Учёба в диалоге с мастером

Один из фестивальных сюжетов коснулся сборника «Современный удмуртский рассказ», напечатанного в издательстве Литинститута. Презентация этой антологии в Национальной библиотеке Удмуртии с участием Алексея Варламова дала повод для стартового вопроса в беседе. - Научная книга «Студия стиха» Ильи Сельвинского оказалась заметным явлением в литературной среде Москвы в 1960-е годы. Давид Самойлов называл эту работу настоящей мастерской, в которой начинающие поэты изучали механику поэзии. А если по аналогии создать «Студию рассказа»? Тем более что множество неопитов повсюду пытаются творить в жанре, который кажется самым лёгким, а в реальности представляет собой сложнейшее испытание?

- По крайней мере вреда от подобной студии точно не будет, - улыбнулся Алексей Николаевич и поделился личным опытом дебюта в писательстве: - В литературном институте, к сожалению, я не учился. Но когда в юности начал писать, мне потребовалось понимание того, как это должно происходить, и я пришёл в очень хорошее литературное объединение при Московской писательской организации. По сути дела, это была та самая студия рассказа, сыгравшая в моей жизни важную роль. Она дала мне мощный импульс к литературному труду на фоне беспрестанной полемики о необходимости или, наоборот, ненужности литературного образования: «Можно ли научить человека писать?!» Вопрос этот спорный, потому как сложно понять, существуют ли методики литературной техники и какие-то формальные приёмы, по которым можно научить или научиться писать. В ответе на этот вопрос есть два разных подхода. На Западе преобладает мнение о том, что человека можно научить писать по чётко разработанному алгоритму. Грубо говоря, главный герой у тебя должен появиться на строго определённой странице, а затем по продуманному шаблону для привлечения читателя обязаны возникать пейзажи и их ароматы. Но в русской традиции рассказа похожих схем никогда не было. К тому же большинство из наших великих классиков никакого литературного

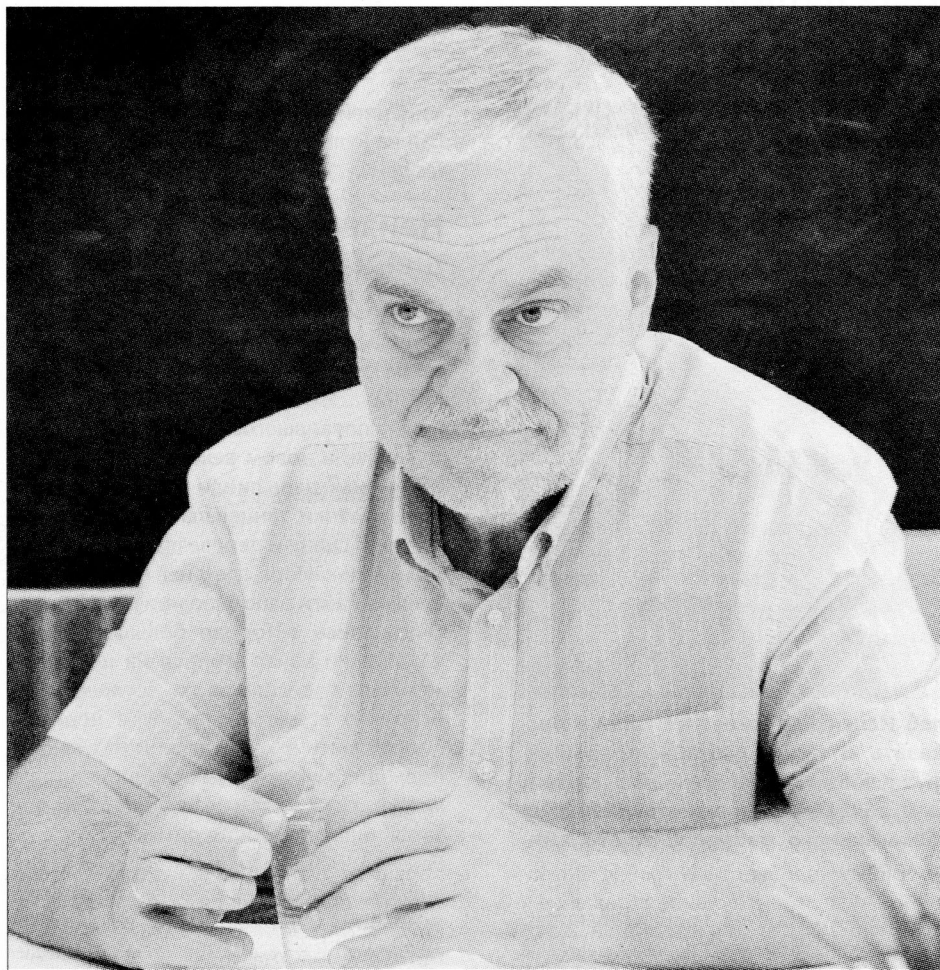

Фото: Александр Поскрёбишев

Формат газетной публикации в очередной раз оставил за кадром в интервью с Алексеем Варламовым множество занимательных сюжетов и удивительных персон

образования не получали. Поэтому для нас литература, скорее, всегда была неким тайным видением, тайным зрением и чем-то таким с «клубящимися флюидами из высших сфер». Так вот в литературном объединении с нами занимался Фёдор Колунцев - позабытый нынче прозаик, и он нас специально ничему не учил. Зато он хорошо разбирал то, что мы приносили, и все эти разборы дали мне очень много. Поэтому я остаюсь сторонником того, что никаких общих правил в литературном творчестве не существует. Но при этом существует работа с текстом, когда новичок показывает написанное мастеру, который разбирает и показывает, что у тебя получилось, что не получилось, что можно и нужно поменять, что работает, что не работает. И именно такое обучение, своего рода диалог между автором и мэтром, может стать исключительно полезной вещью.

Книги для нашего сознания

- Тогда сейчас спрошу вас прямо-таки не в бровь, а в тайный глаз: что посоветуете почитать современному россиянину?

- В обязательном порядке я бы назвал книги замечательного Леонида Бородина. Человека с поразительной судьбой, которого считаю выдающимся писате-

лем, к большой досаде, пока не оценённого. У Леонида Ивановича посоветую прочитать «Третью правду», «Год чуда и печали» и книгу автобиографических воспоминаний «Без выбора». Напомню, что Бородин был советским политзаключённым, диссидентом и в брежневские и андроповские времена отбывал срок в лагере в Пермском крае. Причём в заключении он оказался в одной камере с украинским националистом Василём Стусем. По задумке надсмотрщиков, оказавшись вместе, русофил Бородин и его сокамерник должны были загрызть друг друга. Но они мудро решили не говорить о политике, а обсуждали великую русскую литературу и философию, которые прекрасно знал Стусь. В итоге два, казалось бы, антагониста подружились, уважительно относились друг к другу, и в этом, конечно, тоже есть какой-то очень глубокий урок... Помимо книг Бородина я посоветовал бы соотечественникам начать читать прозу Владимира Маканина - очень глубокого человека с его умными взглядами на нашу русскую жизнь. И ещё книги Юрия Казакова. Это просто какая-то абсолютная вершина русской литературы, но она, к величайшей моей печали, тоже вымывается из нашего сознания... Заметим, что в прошлогоднем интервью «Российской газете», отвечая на аналогичный интерес моей коллеги, Алексей

Варламов в значительной степени расширил библиотеку для обязательного чтения. В его версии в первый ряд на книжных полках надо было поставить «Анну Каренину» Льва Толстого, «Захудалый род» и «Соборян» Лескова, «В лесах» и «На горах» Мельникова-Печерского, «Господ Головлевых» Салтыкова-Щедрина, «Семейную хронику» Аксакова, «Черты из жизни Пепко» Мамина-Сибиряка, «Тысяча душ» Писемского, «Белую гвардию» Булгакова, трилогию Алексея Толстого «Хождение по мукам» и современный роман про Донбасс «Держаться за землю» Сергея Самсонова. Что касается зарубежной литературы, то здесь совет Алексея Николаевича отсылал к чтению «Будденброков» Томаса Манна, «Саги о Форсайтах» Голсуорси, «Сто лет одиночества» Маркеса и «Дома на краю ночи» Кэтрин Бэннер...

Замечательный Распутин

- Услышав от вас слово «замечательный», мне сразу вспомнилось, что среди восьми книг, которые вы написали для знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», оказался Григорий Распутин. Он угодил в «ЖЗЛ» как фигура многослойная, противоречивая, неоднозначная и только потому замечательная?

- Политика издательства, которое выпускает в свет эту серию, заключается в том, что «ЖЗЛ» - это вовсе не Доска почёта, и не высокая оценка поведения того или иного человека. Речь идёт о людях, которые оставили заметный след в истории. О тех, кого заметили. И в этом смысле Григорий Распутин остаётся в высшей степени замечательным человеком. И вот я как раз попытался написать такую книгу, в которой нет ни апологетики Распутина, ни его демонизации. Моя задача заключалась в том, чтобы написать об этом человеке максимально объективный портрет, опираясь на многочисленные существующие источники. Причём у Распутина нашлись два литературных произведения - «Житие опытного странника» и ещё автобиографическая книжка. Понятно, что эти повествования писал не он, а за ним записывали его поклонники. Интерес к Распутину появился у меня тогда, когда я работал над книгой об Алексее Толстом. Григорий Распутин есть в его пьесе «Заговор императрицы». Вскоре после той работы я оказался в Тобольске, откуда нас повезли на экскурсию в родное село Распутина - Покровское. И там мне со всех сторон пели в уши: всё, что мы знали о Распутине раньше, было неправдой. «Это был святой человек, которого обоглали масоны!» - уверяли мои сопровождающие. После этого мне стало крайне любопытно разобраться в личности этого «святого старца», и этот интерес привёл к появлению книги в серии «ЖЗЛ».